

DELUSION

СТАРОВОГО МЕНТА

РАССКАЗЫ

НИК КАРПИН

Ник Карпин

Delusion старого мента

«Издательские решения»

Карпин Н.

Delusion старого мента / Н. Карпин — «Издательские решения»,

«...цыганка с черными космами волос, с вывалившейся из лифчика огромной белой грудью в синих прожилках, удерживала одной рукой расхристанную малютку. Другую руку с хищно обломанным стеклянным фужером на длинной ножке она занесла над кукольной головкой ребенка». Это отрывок из новой книги Ника Карпина «Бред старого мента», в которой прожженный «мент» Пловцов делится... впрочем, прочтите сами. Автор обещает в следующей книге рассказать подробнее о новом своем герое.

© Карпин Н.

© Издательские решения

Содержание

Шифровка	6
Искренность души	9
Профилактика	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Delusion старого мента

Ник Карпин

© Ник Карпин, 2016

© Роман Батуев, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шифровка

Почему цыгане покинули Индию? Эта загадка лишила меня сна, превратила жизнь в наваждение. Книжки, журналы, ветхие фолианты, обрывки газет не приблизили меня к разгадке. Она терялась под заскорузлой толщей времени. След ее едва прослеживался среди индийских джунглей, в дебрях которых может быть еще бродили саблезубые тигры.

Не буду описывать все бюрократические ловушки, капканы, западни, запоры, замки, рогатки и прочие ухищрения, приспособления, приемы, способные остановить, поставить в тупик, увести в ложном направлении, отфутболить, отпулить человека ищущего истину. Скажу только, виза на выезд к Шиве оформлялась серьезным ведомством, и оно требовало автобиографию чистоты горного источника. В подтверждении рабоче-крестьянского происхождения я писал: «...мой папа в один прием носил по два мешка с картошкой и когда однажды подвернул ногу, сильно ругнулся», – и был не рад откровению. Меня заставили вспомнить, кого упомянул папа, падая в глубокую рытвину. Тот образ развеселил строгую комиссию. Когда родственники в анкете были расставлены в две шеренги, требовалось еще подтвердить физические кондиции. Кариес в правом верхнем зубе мудрости чуть не стоил мне визы. Перед восхождением на гору Кайласа, на которой по разным источникам восседал авторитетный Шива, пришлось жать динамометр, дабы члены комиссии ясно представляли крепость будущего рукопожатия товарищу Шиве. Хитроумные тесты психиатра не позволяли предстать в невыгодном свете пред важной персоной, к встрече, с которой готовили меня столь тщательно. А цветные картинки офтальмолога убеждали комиссию, что, да! я смогу отличить высокопоставленную особу от основания срубленного дерева. Наконец путь к Шиве был открыт.

Он так же не был легким. При восхождении на гору Кайлас пришлось трижды переплыть полноводную Гангу, кишашую зубастой, прожорливой живностью. Дважды я срывался в пропасть, смертельно рискуя своей жизнью, и все это я проделывал лишь для одного, чтобы попасть на прием к товарищу Шиве.

Завидев в пустыне одинокую фигуру и, узнав, куда я следую, верноподданные в голос утверждали:

– Шива не двулик, а гораздо более, к тому ж рогат. Он проглатывает мертвых, а живых, тем паче, смыкая над ними гигантские челюсти свои. – Припоминали, что утроба его вечно ненасытима, а душа расширяется и волнуется в предчувствии добычи.

– В окружении зверей он сущий зверь!

Я был озабочен обилием информации, свалившейся на меня, и в некоторые минуты искренне жалел, что позволил себе так легкомысленно покинуть родные пенаты. Последние метры подъема на гору давались не без трепета. Журчавшая меж камней Ганга сглаживала подступавшее к горлу волнение.

Вовсе и не зверь, а образ, мучимый долгой аскетической жизнью предстал предо мной. Его худое тело было посыпано золой кострища, разложенного подле. Состояние Шивы усугубляло еще одно немаловажное обстоятельство. Во время последнего паханья богами океана он в одиночку выпил весь скопившийся там яд КАЛАКУТУ. А капля этого зелья способна отравить Вселенную. И сделано это было им не во славу чревоугодия, как позже утверждали злые языки некоторых завистников. Конечно, действие губительного зелья на организм Шивы привело к некоторым его изменениям. Шея приняла синий цвет, тело и кончик носа получили огненные полукружья. Но высокая цель стоила того. Хотя опять же злопыхателям его поступок не давал покоя и в кулуарах джунглей они в голос утверждали – Шива кубок с КАЛАКУТУ принял за кубок с ананасовой самогонкой. Переполненный глубокими чувствами я не желал им верить.

Не смотря на постигшую депрессию, Шива был наслышан о моем визите и, когда моя фигура замаячила на вершине горы, он легко поднялся на ноги, отпустил из рук грозный трезубец, опустил на землю маленький барабан в форме песочных часов; уложил боевую дубину, украшенную черепом предыдущего посетителя; выпустил лук со стрелами, рыболовную сеть, спустил с очередной руки горячо любимую жену Парвати вместе с сыном Скандии, и приветливо протянул все свои руки по направлению ко мне. Я сбился со счета, пожимая их. Обилие рук как нельзя лучше подчеркивало в нем добротность семьянина и хватку государственного мужа одновременно. Многие ладони были тверды как лопаты. Все выдавало в нем творца-демиурга и, никак не бездельника, или, там, пьяницу. Два его глаза прослезились от чувств, смутно угадываемых мною. Прекрасные губы улыбались как солнце. Но третий глаз, о губительной силе которого я уже был наслышан, глаз, которым он сжег бога любви Каму, пытливо всматривался в меня. Шива увлек меня под баньяновое дерево, в густой тени которого мы предались беседе, легкой и не принужденной, какая возникает разве что меж сердечными друзьями после долгой разлуки. Его помощник и ближайший соратник бык по кличке Нандин, насытив огромное чрево обильной травой, лежал поодаль и, как мне показалось, чутко внимал нашей беседе.

– Товарищ Шива, – начал я и, чуть не потушив солнечную улыбку на его губах, тут же поправился, – мой Господин! – Дальше суть терзавшей меня загадки свободно вошла в уши богу. Я искренне удивлялся, почему Рома покинули столь благодатный край, который и не мог быть иным, так как лик Шивы олицетворял саму любовь. Край, где легкое дуновение любви вздымает демографические волны... Я хотел сравнить их с цунами, обрушившимся на архипелаг Рюкю 24 апреля 1771 года, разметавший в один прием 750 тонн кораллов. Но памятное цунами показалось мне банальной рябью на водной глади, и я закончил: «На не бывалую высоту».

Шива внимал моим велеречивым словам, и, казалось, не мог понять, о чем идет речь. Два его глаза озирали окрестность, третий же губительный изучал мою внешность на предмет подвоха Всемогущему. Бык Нандин, внимательно вслушивавшийся в наш разговор, тем временем подавал хозяину приметные знаки. Он привстал на копыта и правым передним выразительно пинал воздух впереди себя, словно пытался пробить футбольный пенальти. И Шива вспомнил, он заметно оживился. Рассказ его был лаконичен, как подобает высшему существу, безмерно занятому вселенскими делами.

Слабая попытка пересказа рассказа Шивы

Глухая ночь. Среброликая Луна тщетно пытается пробить глыбу туч. Усталый Шива отдыхает на вершине Кайласа. С подножия горы доносятся утробные звуки обитателей животного мира. Пространство покрыто мглой, лишь легкие всполохи электростатических разрядов, результат умственной деятельности Шивы, с трудом озаряют природу. Необычно яркая зарница вдруг осветила суровый пейзаж. Мысль о правильности Естественного Отбора, таким образом, утвердилась в голове создателя. После чего крепкий сон сомкнул все три глаза Всемогущего, стихли крики животных, джунглями овладел сон.

Наутро бык Нандин (кляузник и ябедник – характеристика Шивы) преподносит ему новость. Не далее как ушедшей ночью Рома, чей образ Шива создал одним из первых, пытался умыкнуть быка Нандина. Чего в том сообщении было больше навета или правды, тогда по причине крайней запальчивости Шивы выяснить не удалось. Он не удосужился выслушать противную сторону. Божественный гнев был безмерен и овеществился в пинке громадной силы по копчику Перворома. От такого отнюдь не отеческого обращения первый цыган рассыпался на мелкие кусочки. Шива между прочим признался, что цыган был первым его детищем. Потом, Шива торопился, слепил цыгана из сырой необожженной глины, к тому же слабо армировал туловище соломой. Только по этой причине куски и кусочки веером разлетелись во все

концы света. Там где они касались земли, образовывались цыганские народы, вечные скитальцы...

Ближе к концу повествования рассказчика видимо мучили угрызения совести. Шива то и дело бросал взгляды на быка. Тот отворачивал рогатую морду, прядал вислыми ушами, всем видом показывая, что он ни при чем, что не он Рому, а Рома хотел умыкнуть его. Да тот горячий поступок Шивы легко терял божественное назначение в случае оговора первоцыгана. Невольно я стал сопереживать Шиве. Иезуитский бык! С какой последовательностью он заполнял себя травой только что, в точности с такой его фигура теперь наполняла меня негодованием. Я насилу сдержал себя. Шивин третий глаз обрадовано читал мои мысли, и предложение выпить КАЛАКУТУ из огромной черепной коробки геройски погибшего слона Ганеша воспринялись мной как проявление должного уважения. С учтивой вежливостью я отказался от подношения и решил откланяться. Шива легко согласился. Необходимость пахтанья океана совместно с Брахмой и Вишну не давала ему возможности расслабиться. Страстный поборник истины, на прощание он просил беспристрастно разобраться в той давней ситуации. Сопровождаемый недоверчивым взглядом быка Нандина в бодром расположении духа, легким шагом я покинул первобытный чертог.

В центре внимательно прочитали донесение.

– Сдается мне, крот внедрился, – задумчиво произнес шеф, – текст передайте шифровальщикам. Пусть уточнят детали. Канал связи с агентом изменить.

Искренность души

– Тебе никогда не приходилось пробовать забродившие в маринаде корнишоны? – Смесь, спрашивает мой собеседник. – Как они смотрятся в банке?! Ласкают взгляд идеальной округлостью своих форм. Игрушечки! Поросятки в камуфляже, так и просятся в рот, но коварные, черт возьми! Очень коварны для желудка. – Говорит мой гость, располагаясь удобнее на диване.

Прошу любить и жаловать! Пловцов собственной персоной пожаловал в гости. Раз появился, значит, назрела потребность поговорить.

– Можно? – Спрашивает он, сам бесцеремонно извлекает из полиэтиленовой сумки бутылку пива «Балтика» и надолго прикладывается к ее пластиковому горлышку. Я привык к такой манере его поведения, к вычурному слогу, к которому он порой прибегает. Мне интересен этот битый жизнью человек. Кстати, я спас его когда-то и он считает, что обязан мне жизнью. Правильно считает. Обстоятельства нашего знакомства обязательно раскрою, только не сейчас. Сейчас я слушаю, бывшего советского участкового. Он навеселе, но держится молодцом и, щурясь, продолжает:

– Однажды моя супруга уехала к матери в село. Сосед по лестничной клетке Василий Назарович тут как тут. Как же, 23 февраля – день Советской Армии – повод достойный. Наш мальчишечник мы решили устроить у меня на кухне. У него нельзя. Жена! Василий Назарович военный летчик, полковник в отставке, уважаемый во всех отношениях человек, а своей супруги боялся. Приняли с ним по стопочке, закусили. Сосед мне:

– Видел, на въезде в город самолет установлен, МИГ-21.

– Да, – отвечаю, – и не раз.

Он: – На таком МИГе я один из первых в нашей эскадрилье сверхзвуковой барьер брал. – Смотрит на меня, и как бы осуждает. С чего бы?! Сам знаю. Уважаемый человек передо мной. Грудинку ему свиную подрезаю ножичком. Угодить хочу. Ешь гость дорогой! Он уписывает за обе щеки, аппетит хороший. Прожевал и продолжает:

– Я во время войны ремесленное училище заканчивал. – Превосходство в его голосе чувствую. Вроде как он жил во время войны, а я нет. Думаю, люди не могут все одновременно родиться. Каждому свое время отведено, а сосед не унимается, рассказывает.

– Мальчишкой сдал на шестой разряд слесаря-лекальщика, высший разряд! – Палец подносит к моему носу и сверлит сквозь лупы своих очков глазами, верю я ему, или нет.

– Ну и врать же ты Василий Назарович! – Это я только про себя с ним на «ты», а сам:

– Закусывайте Василий Назарович, закусывайте! – Грудинку подрезаю.

Аппетит у соседа после выпитого спиртного не шуточный. Говорит и ест, ест и говорит:

– Сдавать на шестой разряд просто.

– Ну-ну, просто! Будет мне тут заливать! Сам когда-то сдавал на третий разряд токаря. – Это я все про себя. Нельзя же обижать гостя, тем более, военного летчика, полковника. Но признаться, занервничал. Задел меня за живое сосед своим шестым разрядом. Пусть, думаю, выскажется до конца, там поглядим. Еще выпили, закусили. Сосед продолжает:

– Ставит мастер на стол шаблон – толстый лист металла. В нем выпилен пятиконечная звезда. Дает напильник и задание: выточить из другого куска металла звезду, точно по шаблону...

Без женского надзора мы к тому времени оба «отяжелели». Душа отмякла, поддакиваю собеседнику. Что ж, говорю, звезду напильником, терпение адское нужно. Главное правильно разметку на металл нанести, грани выдержать. А сосед, возьми да и перебей меня.

– Цимус не в том, чтобы правильно выточить. – Слово какое выковырнул! – После того, как выточенная звезда поместится в шаблоне, нашу работу мастер проверял.

– Как? – Интересуюсь я. Сосед хватает со стола пустую стопку, чистую салфетку и показывает:

– Снизу, под изделие, мастер подкладывал лист бумаги (кладет салфетку на стол), а сверху заливал керосин (опрокинул стопку на салфетку), и ни капельки не должно протечь между стенками шаблона и изделия. Если на бумаге останется жирное пятно, работа не принималась. – Вижу, бумажная салфетка, которую сосед в качестве примера использовал, слегка подмокла. Если бы не подмокла, поверил бы его словам. Стопку с водкой Василий Назарович осушил до дна, а несколько капель в ней осталось. Те капли и подмочили.

– И что, – спрашиваю, – керосин не протекал!?

– Нет, не протекал!

Может, не врал тогда сосед, но салфетка на столе... Я с ним спорить. Говорю:

– Вручную такой точности нельзя добиться!

Он: – Я добивался.

Я: – У меня третий разряд токаря-универсала, кое-что соображаю в работе с металлами.

Он: – Третий – кишка тонка!

Обиделся я тогда на Василия Назаровича. Не смертельно, но из головы выскочило, что он гость и почтенного возраста, брал на двадцать первом МИГе сверхзвуковой барьер. Забродившие корнишоны вдруг всплыли перед глазами. Жена еще хотела те огурцы тещиним свиньям свезти, но банка видите ли ей тяжелой показалась. Кажется, мы еще порядком поругались на прощание. Хотела, чтобы я с ней поехал. Женщины, ведь они...

– Так чем закончился ваш спор с Василием Назаровичем? – Не выдерживаю я.

– А, да. Я решил сравнить, чья кишка тоньше, моя или соседа. Решил сделать все по-честному. Василий Назарович, знай себе, хвастает. Я молчком снимаю вздувшуюся крышку с банки. Мутный рассол слил в раковину и вот они маринованные корнишоны, раскатились по тарелочке. Загляденье: маленькие, пухленькие. Выпили еще с соседом. Я накальваю огурчик на вилку. Шипит змеей – это воздух из него выходит. В рот его целиком, будь что будет, кладу. Огурчик резкий на вкус. В нос шибанул, словно газировки глотнул, но есть можно, проглотил. Глазами соседу показываю, присоединяйтесь уважаемый.

Сосед хоть туговат на ухо, но шипящий звук огурца насторожил его. Глазки забегали по мне, по огурцам. Те раскатились поросятками по тарелочке. Я, знай, хрущу ими, своему коварству и выдержке поражаюсь. Откуда что взялось? Знать допек сосед. Он один огурец в рот, потом другой. Стул под ним скрипит. Дородный мужчина. Подозрительность в глазках растаяла. Мне даже соревноваться с ним расхотелось. Ведь сижу за одним столом с таким человеком. Гордость овладела. И только она мной овладела, у Василия Назаровича в организме что-то ухнуло. Мы встретились глазами. Я не подозревал и доли той приткости, с какой сосед метнулся в дверь.

Не Василий Назарович, а раненый медведь. Благо входная дверь была не заперта. У своей двери сосед замешкался и заревел. Как любила говорить моя покойная тетка, белугой заревел. Я выскочил следом. Все было «финита ла коммэдия». Мои внутренности оказались крепче. Так то!

Пловцов выверяет мою реакцию, внимательно смотрит в лицо, потом смеется:

– Каково! Поверил? – Он вдруг напомнил мне моего родного дядьку, который вот так же пьяненький со смешком рассказывал про тяжкие годы войны. Люди, хлебнувшие настоящего лиха похожи между собой. Они не плачутся в жилетку, и, пережив страшные годы, радуются жизни.

Гость продолжал:

– Такими огурцами я когда-то нечаянно угостил Ваньку, другого моего соседа по лестничной клетке. Он майор заочно учился в Академии генерального штаба. Его возвращение из Москвы мы «обмывали» на моей кухне. Помню, когда огурцы зашипели, мы сначала рас-

терялись, а потом, как мы хохотали... Молодыми были. А что молодым? Выпили, закусили теми шипунами.

– А отставной летчик?

– По Василию Назаровичу докладываю. Дважды был женат. От второго брака сын. Гранадер! В седьмом классе уже перегнал отца в росте. Румянец во всю щеку. Семейный любимец. Правда, я ни разу не замечал со стороны сынка ответной любви к отцу. Зато их рыжий кот. Тот беззастенчиво любил Василия Назаровича, и состарился вместе с хозяином. В общем, не мыслил своей кошачьей жизни без коленей хозяина в стареньком трико. Василий Назарович позволял себе «расслабиться». Ко мне иной раз заходил, ненадолго. Случались баталии в их стане. Тогда костяшки его могучих кулаков выбивали дробь о мою дверь. Я выходил в коридор. Василий Назарович просил защиты от расходившейся молодой жены: лицо от пощечин красное, глаза в слезах, как у ребенка. Чтобы как-то успокоить старика, я плел всякую око-лесицу. Потом мне предстояло учтиво встречаться с Нелей Францевной, женщиной пышных форм и, надо полагать, отменного здоровья. В отличие от престарелого мужа ей мало было прошлого. Что ж, дела житейские. Бог им в судьи. Жив ли военный летчик, не знаю. Судьба разбросала нас.

Профилактика

За последнюю неделю в уголовном розыске участились заявления о кражах личного имущества из кабинетов городских организаций. На планерках стала проскакивать фамилия некоего Левчука.

– Это Васина работа. – Потягиваясь, позевывая, заявляли сыщики. Действительно, вор-рецидивист Вася Левчук, вернулся из мест лишения свободы. Пловцов напряг память. Подменяя Мишу Косовира, он, проверял на его участке поднадзорного Левчука. С виду неприметный, собирался устраиваться на работу.

А заявления о кабинетных кражах сыпались гадкими хлопьями на головы сотрудников.

– Это Васькина работа. – Утверждали городские сыщики, ожесточенно почесывая бока, спины, словно пред розгами.

Миша Косовир перевелся в другую службу и Пловцова поставили прикрывать участок, на котором «свиристествовал» Вася.

– Замещал Косовира, знаешь участок, тяни! – Решил начальник.

– Участковый обязан предотвращать преступления на своем участке. – Тут же стал повторять начальник. – Принцип крайнего никто не отменял, а кто крайний в милиции? Участковый! – И взгляд его неизменно упирался в Пловцова. При встречах Косовир счастливо похихатывал над своим теской, когда тот пытался жаловаться. Пловцову было не до смеха. Он чувствовал нависавшую над ним грозовой тучей неотвратимость наказания за все Левчуковские преступления на закрепленном за ним новом участке. Всеми порами своего тела чувствовал.

Вечером на опорном пункте милиции старший участковый инспектор Стаднюк интересовался:

– Как дела по Левчуку?

Унылым голосом подчиненный рассказывал неутешительные новости.

Васька Левчук жил у Людки по прозвищу «горбатая». На работе не появлялся, жил без прописки и это усугубляло дело. Вечерние, ночные, ранние утренние визиты милиции к «горбатой» ничего не давали. Людка ни разу не сорвалась на свое обычное:

– Сволочи... менты... жизни не даете!

Три недели назад, когда забирали из квартиры «горбатой» ее собутыльников, слушали от нее и не такие перлы. Пьяная в ночной сорочке она наскакивала на милиционеров сзади, грабастала длинными костлявыми руками, визжала:

– Я сейчас укушу! – Людка вытягивала вперед тонкую шею, ее горб еще уродливее выпирал сквозь тонкую материю ночной сорочки. Она пыталась вонзить гнилые зубы в руку участкового. Когда ей это не удавалось, кричала:

– Я тебя сейчас ударю! – И пьяно метила в лицо представителю власти... Собутыльников тогда усадили в машину. Людку оставили. У нее на руках была дочка-грудничок. Но инспектор по малолеткам «взял ее на карандаш». Когда машина тронулась, Людка изрыгнула ругательства, каким позавидовал бы любой шкивидор.

Теперь Людка не злобствовала, а любезно отвечала:

– Где Вася?! Вот только что был, ушел, наверное, в туалет. – Ее большие голубые глаза светились поддельной добротой к милиционерам. Видимо Васька неплохо «подкармливал» ее. Людка не работала, на руках ее малолетка, а пенсия инвалида детства нищенская. Как могла она выгораживала сожителя Ваську. Если милиция приходила к ней днем, она отвечала:

– Как ушел рано утром, так еще не было Васи. Наверное, на работе.

Медными голосами милиционеры оповещали ее, что Васька на работе появился всего один раз: ковырнул лопатой на стройке и «слинял». Людка пожимала плечами, мол, ничем помочь не могу.

Опера приставили к Ваське «хвоста», желая поймать его на кражах с поличным. Матерый Васька умело те «хвосты обрубал».

– Хорошо. Даже если и поймают оперативники Левчука, – рассуждали участковые инспектора на опорном пункте милиции, – все равно встанет вопрос: кто допустил, что Васька безнаказанно ворует? Как кто! Участковый...

Пловцов морщился.

– Вот она несправедливость жизни. – Сетовал он.

Выслушав всех, старший участковый Стаднюк задумчиво произнес:

– За Левчука вы можете схлопотать служебное несоответствие.

Пловцов покорно согласился.

– Вы обязательно позвоните вахтеру. – Советовал Стаднюк. – По последним сведениям Левчук перебрался в общежитие строителей на 33-ем квартале. Если он там, утречком заберите его. Заведите в суд с материалами за административное нарушение, потом сделайте официальное предостережение о тунеядстве. Возьмите с собой кусок сала, или что-нибудь перекусить.

Пловцов криво усмехнулся советам старшего товарища.

Поздно вечером ему позвонила вахтер общежития, и голосом детектива сообщила: «Жилец в комнате!». Пловцов ликовал. В 5 часов утра будильник просто подбросил его. В спортивном трико он сделал по стадиону привычную пробежку, умылся, позавтракал и поехал «брат» Левчука. Старший дежурной части горотдела машину ему не дал. Мазурок так распорядился. Мазурок хотел добыть свою славу: поймать Ваську с поличным и повесить на него другие нераскрытые кражи. Злой на весь уголовный розыск, Пловцов ехал на троллейбусе в обозначенное общежитие. Разные нехорошие мысли крутились в его голове.

Вахтер, женщина средних лет, увидев человека в форме, прошептала – он там, – и подняла глаза в потолок. Дверь открыл крепыш, и, недовольно буркнув, – не дают отдохнуть – снова завалился в постель. Вор-рецидивист Васька Левчук лежал на соседней кровати, укутавшись с головой в тонкое байковое одеяло. Его подсадили к этому крепышу.

Пловцов сначала легонько тряс Левчука за плечо, потом сильнее, еще сильнее.

– Чего тебе надо? – Злым голосом, давно проснувшегося человека, наконец, прошипел Левчук. И дальше они беседовали, как задушевные друзья. Не хватало тени баньянового дерева.

– Сам знаешь Вася, в суд пойдем.

– Я никуда с тобой не пойду!

– Одевайся! Я не сторонник насилия, но придется вызвать машину и протащить тебя в нее через все общежитие (Если бы Левчук знал, как блефовал в ту секунду участковый).

– Миша, а это уже насилие над личностью. Сейчас не то время. Сейчас у нас демократия. Миша, я буду жаловаться. Вы мне не даете работать. – Встревожено проговорил Левчук. Злость в его голосе куда-то улетучилась.

– Кстати Вася, почему ты не работаешь?

– Так ведь вы не даете, Миша. Сегодня ты, вчера Мазурок, позавчера Карпюк. Вы что специально хотите, чтобы я пошел воровать!

Крепыш нервно перевернулся в постели к стенке лицом.

– Имей совесть Вася, не ори, дай человеку отдыхать. Про твой героический единственный выход на работу мы знаем. Ты лучше поясни, на какие средства живешь? – Приглушенно проговорил инспектор.

– Что, хочешь сказать, ворую! Нет, Миша, мне друзья в долг дают. У меня долга больше 700 рублей. Понял Миша!

– Ну хорошо, одевайся Вася. Про это ты в ГОВД расскажешь.

– Ты же меня в суд хотел вести Миша. Вот мы и пойдем в суд. В горотдел я с тобой не пойду. Ты не обижайся, но я его органически не перевариваю. Он меня гнетет. А потом братва видит, кто часто в милицию бегает, значит «стучать» начал.

– Хорошо, одевайся.

– Что и в туалет со мной пойдешь?

– Нет, Вася, только дверь приоткрою.

– Ты знаешь Миша, я еще есть хочу.

– Да разве я тебе не даю! – Улыбочка хило раздвинула губы участкового инспектора.

– Да нет Миша, просто не люблю, когда во время еды смотрят мне в рот. А ты ведь из комнаты не уйдешь?

– Нет, не уйду, но я Вася не буду смотреть в твое лицо. – А так хотелось сказать: РЫЛО! Неужели сбежать хочет хрен мамин! Еще малолеткой Ваську накрыли в парке у Стыря на краже ларька. Высоченный участковый по фамилии Черный потащил шуплого подростка на рынок в комнату милиции, чтобы сдать куда надо. Как всегда на рынке полно народа. Васька возьми и закричи во все горло:

– Люди добрые, смотрите, ни за что ребенка забирают! – Слюни умело распустил.

Добросердечные советские люди обступили капитана Черного. Черный на операцию по задержанию Васьки специально переоделся в штатское. От Васькиной наглости он, заика от рождения, растерял остатки дара речи, и ничего путного объяснить людям не смог. Собравшиеся люди заподозрили в нем педофила, и даже хотели «намять холку» длинному дядьке. Обошлось, но Ваську освободили, и тот сбежал.

– Ничего, если, что, догоню. – Подбодрил себя мысленно Пловцов, а вслух продолжил. – Вон тут у вас какие-то книги на полке. Я посмотрю их, пока ты будешь завтракать. – Сам же не сводил глаз со «скользкого» Левчука.

Васька достал хлеб, луковицу, приставил ближе солонку, чуть помедлил и решительным жестом достал из холодильника початую бутылку водки, решительно вылил содержимое в большую кружку.

– Миша, я с твоего разрешения выпью, – и уподобился утомленному путнику хлебающему водицу в жаркий день. У Пловцова мелькнула мысль:

– Ведь сейчас напьется, и никакой судья не возьмется его судить, и в вырезатель Левчук не пройдет! Все утренние усилия пойдут насмарку. – Участковый подскочил к Левчуку и с силой выхватил из рук кружку.

– Нет, Василий, мы так не договаривались! – Проскрежетал он. Левчука словно подменили. Плаксивым ребенком, у которого только что отняли любимую игрушку, он стал клянить водку.

– Ну хорошо, я сам тебе отмеряю. – Не пролив ни капли жестом фармацевта человек в мундире ловко отлил из кружки обратно в бутылку и подал вору кружку. – Остальное потом допьешь. – Внушительно добавил он.

Левчук уважительно принял подношение, выпил рывком, смачно закусил хлебом, луком, макая луковицу в соль. Спиртное мгновенно разобрало его. Черные цыганские глаза с поволокой повлажнили, его потянуло на откровенность.

– Миша, а вообще-то ты парень ничего... – Полилась их беседа.

– Ты льстишь мне Вася.

– Нет, я тебе правду говорю. Я с тобой бы пошел на «дело».

– Спасибо за доверие, – засмеялся инспектор. Он живо представил, как они с Васькой обворовывают очередной кабинет учреждения. Левчука от водки чуть развезло и потянуло хвастать.

– Вот ты говоришь, у меня денег нет. Смотри. – Он достал из-под кровати дипломат, долго рылся в нем. Нашел бумажник и раскрыл его, показывая облигации госзайма. Пловцов смотрел на них пустым взглядом. В ту минуту его беспокоило, как сильно опьянеет Васька. Левчук продолжал. – Это я держу своему сыну, а ты говоришь у меня нет денег. У меня есть книжечка, – он покопался и достал из-под подушки, торжественно потряс в воздухе засаленной с помятыми уголками записной книжкой, – за которую вы менты дали бы мне не меньше 10 тысяч! «Золотая» книжечка. Э-э, Миша, – хвастливо протянул Васька, – я много чего знаю. Но сам не ворую. Нет, это по молодости вы пришили мне чужие кражи. Теперь все! Вася стал не тот. – Левчук заговорил о себе в третьих лицах.

– Ты ведь четыре раза судим за кражи. Значит, ловили тебя. – Напомнил Пловцов.

– Последний раз меня случайно взяли. – Встрепенулся Левчук, как-бы оправдывая свои промахи. – Цыган жадным оказался. Знаешь цыгана Ивана, что на Львовской жил? Кликуха «калина». С вмятиной на голове, на рынке все торчал. После того, как подстроил мне свинью, куда-то смотался. Только куда Миша от меня денешься. Мне уже сказали, где он находится. За литр спирта «спалил» меня. Сидим как-то с этим цыганом, выпиваем. Он давай ныть:

– Вася достань мне меховую шапку с козырьком. – Они в моде были меховые шапки с козырьком. Верись, Миша, у цыгана башка, что пивной котел. Он нигде свой размер шапки подобрать не мог, тем более с козырьком. Долго я ходил по городу. Вижу, навстречу женщина идет. Сама здоровенная, и голова, как у цыгана тоже с «котел». На голове шапка, такая, какую хотел цыган. Ага, думаю, куда же она пойдет. Зашла на Карла Либкнехта в контору. Я за ней. Она открывает ключом кабинет. Значит, кабинет пустой. Это уже хорошо. Я засек, женщины, когда приходят на работу, высидивают в кабинете не больше 10 минут, и бегут в туалет. Моя и пяти минут не выдержала. В туалете баба оправляется 3 минуты. Это у меня тоже схвачено. А трех минут, Миша, мне хватает вот так! – Левчук полоснул себя по горлу ладонью. – Приношу цыгану шапку. Цыган померил, обрадовался и пообещал мне за нее 150 рублей. Выставил на стол литр спирта, деньги позже обещал отдать, да жадным оказался. Со мной не рассчитался и шапку ту носить не стал, а сдал ее в комиссионный магазин, что на улице Первого Мая. Запросил за нее 300 рублей. А та баба, у которой я шапку забрал, по магазинам ходит, не может своего размера найти. Зашла в комиссионный. Увидела шапку, примерила и сразу выложила за нее 300 рублей. А дома на подкладке изнутри разглядела на шапке свою метку и заявила в милицию. Милиция цыгана прихватила. Тот сначала им, мол, нашел, потом «раскололся»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.